

Поименование как культурный феномен — в истории и современности

В. В. Абраменкова

доктор психологических наук, профессор кафедры возрастной психологии факультета психологии образования Московского городского психолого-педагогического университета

В контексте культурно-исторической теории Л. С. Выготского предлагается новое понятие «поименование». Это социальное средство формирования образа Я, объединяющее различные варианты (формы) имени субъекта как определенных граней его личности. Важнейшей сакральной и «лично-обrazующей» формой поименования является личное имя, различным аспектам онтологии которого автор уделяет в статье особое место. Очерчиваются самые общие представления о присвоении своего имени ребенком как первой личностной категории, усваиваемой им уже на первом году жизни. В статье также излагаются некоторые аспекты отношения к формам имени в истории культуры и иллюстрируется механизм присвоения поименования как прозвища и никнейма в современной подростковой субкультуре. Делается предположение о социальном характере выбора некоторых форм поименований и оснований имярения в детском сообществе. Автором выделяются общие для всех поименований как «социокультурных инвариантов» функции обособления группы ее структуризации и др. Обосновывается возможность определения таких социально-психологических параметров группы, как уровень ее развития и направление межличностных отношений по характеру прозвищ, кличек, никнеймов и т. п. В силу слабостью изученности этой междисциплинарной сферы в психологии и на основании нескольких поисковых исследований автор предлагает широкую программу возможных направлений изучения феноменологии поименований в сфере психологии развития.

Ключевые слова: поименование, имя, прозвище, никнейм, детско-подростковая субкультура, уровень социального развития сообщества.

Только в имени обоснована вся глубочайшая природа социальности во всех бесконечных формах ее проявления.

А. Ф. Лосев

Феномен поименования во всех его культурных формах есть социальное средство формирования образа Я и воплощение всей многогранности личности. Поименование — процесс означивания субъекта в социальной группе через наделение его тем или иным именем. Культурно-историческими формами поименования являются: прежде всего собственное имя человека, его *отчество* (характерное для русской культуры), *фамилия*, затем *прозвище*, сходная с ним *кличка* (характерный атрибут криминальной субкультуры), а также псевдоним и в последние годы — *никнейм* (от англ. nickname — короткое имя), два последних как самоназывание. Центральным и важнейшим из всех форм поименований является собственное имя человека (первоимя) как символ его «духовной сущности».

Личное имя в различных культурах признается частью самого человека и способно подчиняться сверхъестественному влиянию. Мифологическому сознанию свойственно понимание имени как некоего внутреннего глубинного смысла или же того, что вкладывается, налагается, например, наречение именем новорожденного как «отгадывание» его внутренней сущности в ряде культурно-исторических традиций, что предполагает тождество природы носителя имени и его прототипа — тождество имени и формы (В. Н. Топоров). Подлинное имя священно,

его сакральность обнаруживается тайно (шепчется на ухо) жрецом или старейшиной рода, а любое переименование означает крутой перелом в жизни и судьбе носителя имени, например, при инициациях вместе с обрядами перехода иницируемому давалось и новое имя [21]. Произвольное переименование таит в себе большую опасность, особенно для самого субъекта, поскольку вносит сумятицу в установленный порядок, нарушает внутренние связи с людьми и окружающей предметной средой.

В древнейший период развития Руси человек воспринимал свое имя как «второе Я», оно тщательно скрывалось от чужих и чуждых во избежание вредоносных воздействий через имя на здоровье и жизнь человека. При этом вовсе человек именовался другим именем, фактически обиходным прозвищем, часто намеренно уничижительным, с отрицательной семантикой, чтобы не вызывать зависти у «недобрых людей»: имена Горшок, Вырод, Некрас, Безобраз и т. п. были весьма распространены, вместе с тем использовались и общеславянские имена: Всеволод, Ярослав, Добрыня. После принятия христианства Древняя Русь столкнулась с принципиально иными именами — агнионимами, именами святых, которые давались младенцу при крещении в соответствии с днем его рождения и означали имя его небесного покровителя и заступника, отсюда скрывать свое под-

линное имя не имело теперь никакого смысла. Однако эти имена претерпевают изменение фонетики в сторону приближения к древнерусским моделям: Авраам — Абрам, Дамиан — Демьян, Анастасия — Настасья, Мелания — Маланья и т. п.

Таким образом, с принятием христианства на Руси произошли революционные изменения в отношении к собственному имени. Подчеркивается божественная сущность имени, которое сообщается Самим Богом через священника. Согласно Евангелию, Иисус Христос нарекал имена своим ученикам, увидев простого рыбака, сказал: «ты — Симон, сын Ионин; ты наречешься Кифа, что значит: камень (Петр) на камне сим построю Церковь мою и врата ада не одолеют ее». [Евангелие от Иоанна, гл. 1; 42], а фарисей Савл был наречен апостолом Павлом.

По мнению о. Павла Флоренского, блестящего исследователя в области ономатологии, «Имя — тончайшая плоть, посредством которой объявляется духовная сущность» [20, с. 41]. Через Имена происходит познание Божества. Русские имена являются инвариантами личности, поскольку выражают *типы* личностного бытия*. Имя способно воздействовать на развитие личности и ее жизненный путь, поскольку каждое имя есть спектр нравственных самоопределений и пучок различных жизненных путей — от святости как первообразу совершенства до геены злодеяния и пучины равнодушия. Христианство освобождает человека от древнейшего страха магического воздействия на него через имя, предоставляя ему божественную защиту (а не оберег!)** в лице небесного покровителя — святого — как выразителя идеальной нормы личностного бытия. Подобные имена воспринимались людьми не только как защита, но и как задача реализации собственной жизни по модели жизни святого, при этом жизнеописания тезоименитых святых были хорошо известны как аристократу, так и крестьянину вплоть до начала XX в.

Духовная сущность имени и процесс его оскудения, десакрализации осуществляется при переходе имени собственного в грамматическую категорию имени нарицательного. Эту эволюцию можно проследить на следующем примере: имя Иоанн (с древнееврейского «благодать Божия») — Иван (русский извод имени) — Ванёк (деминутив — уменьшительно-ласкательное имя) — Ванька (производное в просторечье, с оттенком уничижения) — ванька (в поговорке «валять ваньку» — валять дурака, притворяться); в итоге психолингвистически произошла не только утрата «высокой семантики» имени, но явное переворачивание его первоначального смысла. Поименование как надделение именем в монашестве (русском православии) есть возвращение его первоначальной сакральности, отраженное, в част-

ности, в написании и произношении: Сергей — Се'ргий, Матвей — Матфей, Марья — Мари'я, Татьяна — Татиана. При монашеском постриге происходит смена имени, данном при крещении, на иное имя, но почти всегда обеспечивается психологическая преемственность путем сохранения начальной буквы нового имени: Семен — Силуан, Михаил — Митрофаній, Егор, Егорий — Григорий, Георгий.

Другое поименование определялось еще до рождения ребенка и получило название «фамилия». **Фамилия** — семейное имя, семейное поименование, восходящее к родоначальнику, основателю рода, например, Мишка Борисов сын Черкасов [19].

Отчество как отдельное поименование сложилось к концу XVII в., его введение осуществилось Петром Первым, и при переписях населения требовалось записывать человека «по имени с отцы и прозвищем», графа «отчество» становится обязательной во всех документах.

Если отчество как форма поименования было предопределено, поскольку было связано с отцом***, а фамилия — с родом, то псевдоним и никнейм исходят от самого человека, он придумывает их себе сам. Отчества являлись характерными образованиями преимущественно в русской культуре, а **псевдонимы** это не только западно-европейское, но и общее для мировой культуры явление, получившее распространение в XIX в. Творческие люди — писатели, художники, артисты, общественные деятели часто из необходимости скрывать свое имя или приукрасить его, а порой из стремления к игре, розыгрышу, детскому желанию таинственного брали псевдонимы типа: М. Е. Салтыков — Николай Щедрин — М. Е. Салтыков-Щедрин; Аврора Дюдеван — Жорж Санд; Норма Джин Бейкер — Мерилин Монро; А. Е. Придворов — Демьян Бедный; Зинаида Гиппиус — Антон Крайний и пр. Несмотря на внешнюю зашифрованность, анонимность, попытку придания «таинственности» носителю данной формы поименования, псевдоним, как ни парадоксально, — сущностная замена сакрального, подлинно тайного имени внешним, десакрализированным.

Прозвище — исторически: неофициальное именование человека, идущее с незапамятных времен. При этом, например, в русской культуре морфологическим способом манифестировалась половозрастная иерархичность семейных отношений в прозвищах: дед Казак, внук Казачок, отец Ёж, сын Ежонок, муж — Нос, жена Носиха, старший брат Карась, младший Пескарик, старший брат Синий (от фамилии Синёв), средний Подсиненный, а сестра — Синичка. В этих поименованиях можно увидеть отголоски структурных и семантических языковых соотношений, характерных для

* Ср. также Ж.-П. Сартр: «Я подмечаю, что на лице у каждого бывает более или менее твердою рукой написано: “имярек”».

** Во время Отечественной войны на оккупированных территориях русские женщины давали своим младенцам имя ненавистного Гитлера — Адольф, чтобы спасти их от гибели. В данном случае имя буквально, а не мистически, выполняло роль оберега, поскольку фашистские солдаты не могли физически уничтожить ребенка с именем фюрера.

*** Как справедливо указывала М. Мид [12], «Отец — социальная необходимость, но биологическая случайность», а поскольку биологическое отцовство достоверно научились определять лишь в конце XX в., во все эпохи и у всех народов критерием отцовства был не биологический, а социальный фактор. Например, в кодексе Наполеона значилось: «Отцом ребенка является муж». В традиционной русской культуре также имелся в виду отец (и следовательно, отчество) по воспитанию, а не по крови.

древнерусских имен. «Современные неофициальные именованья — это продолжение исконной древнерусской системы именованья людей. Лексические основы прозвищ могут быть самыми современными, тем не менее, в них прослеживаются мотивы и отношения, известные еще в древнерусский период...» [19, с. 262–263].

В древнейших верованиях тот, кому открыто подлинное имя человека, приобретает над ним мистическую власть, держа в руках его жизнь и смерть, поскольку и сама магия — это точное знание сакрального имени предметов, вещей, людей. В соответствии с Библией, Адам в раю был наделен божественной способностью нарекать имена растениям и животным, уподобляясь в этом Творцу. Ребенок, подобно Адаму, в период освоения родного языка открывает в себе способность к поименованию вещей, нарекая им имена собственные, исходя из тех или иных их свойств. Так, 5-летний Владимир Соловьев, любивший рисовать, давал имя каждому из своих цветных карандашей, а 4-летняя Марина Цветаева, соединяя музыкальный звук с названием нот, каждой из них давала собственную смысловую интерпретацию: «До — явно белое, пустое потому что до всего. Ре — голубое, — река, Ми — желтое, Фа — коричневое — как мамино коричневое фаяное платье». Стремление детей табуировать для других свое детское имя отмечал и Ю. Лотман. Дети считают, что лишенный имени человек обречен на исчезновение, перестает существовать; этот «номинативный реализм» (Ж. Пиаже), характерный и для архаичного человека, свидетельствует о стремлении ребенка к защите тайн своего внутреннего мира.

Собственное имя ребенка — первая личностная категория, усваиваемая им уже на первом году жизни, вторая — это его половая принадлежность. В некоторых культурах ребенок получает несколько имен, одно из которых дает ему сверстники, хотя можно сказать, что имя это — скорее прозвище, но именно оно оказывается главенствующим в коммуникативной системе отношений [8]. В первобытных культурах, чтобы избежать опасного употребления подлинного имени человека и тем привлечь внимание злых духов, взрослых представителей племени звали именами детей (!?), это были имена либо их собственных детей, либо младших братьев и сестер (например, отец такого-то, старший брат такого-то), о вреде для ребенка называния вслух его имени при этом не сообщается [21]. В России произвол родителей в имянаречении ребенка традиционно ограничивался*.

Кроме функции означивания в культуре, поименование выполняет и функцию табуирования личного имени, выступающее, видимо, в современном сознании как пережиток более глубоких слоев социогенеза. Полуторогодовалый мальчик по имени Тимофей на вопрос незнакомых взрослых: «Как тебя

зовут?» (Как твое имя?) неизменно отвечал — Наёка, чем ставил в тупик взрослых, пытающихся отгадать, как его зовут на самом деле. Ни в каких других ситуациях ребенок это странное имя не использовал.

По мысли Л. С. Выготского, «Слово для ребенка связано с вещью через ее качества и включено в общую с ним структуру. Заменить обозначения для него — значит, заменить качества вещей. ... *Функция называния* не возникает из единичного открытия, но имеет собственную естественную историю» [7, с. 70]. Генезис самоназывания ребенка и связь его с самосознанием и образом Я — перспективное поле исследования поименований.

Одна из общих функций всех форм поименований — дифференцировать имя субъекта, выделяя различные свойства его личности, различные грани целого. *Субъектами поименования* в наречении имени выступают близкие, родные люди, а также священные лица (вожди племени, жрецы, священники), между тем отчество и фамилия заранее известны, поэтому относительными субъектами здесь являются род и семья, в то время как прозвища и клички даются «коллективным субъектом» — социальной группой, обществом, народом (последнее касается прежде всего правителей: Филипп Красивый, Ярослав Мудрый, Симеон Гордый, Александр Освободитель). Обратим внимание на то, что в псевдонимах и современных никнеймах субъект поименования — это сам человек.

Для подростковой криминальной субкультуры важным атрибутом являются клички («кликухи, погоняла») — поименование в криминальной среде, выполняющее функцию паспорта. Само прозвище — «погрехуха, погрехушка» в современной детско-молодежной субкультуре приобретает сходное с кличками значение [14]. Как правило, клички — довольно меткие поименования представителей уголовной среды, отражающие не только индивидуально-психологические особенности их носителей, но и социально-психологические характеристики данной группы, поскольку в них рельефно проявляются структура, идеология и направленность межличностных отношений.

Функции клички: информационная (замена имени и фамилии), коммуникативная, стигмационная (клеймения), функция закрепления статуса субъекта в групповой иерархии, но это также и вербальное средство деперсонализации личности, достаточно устойчивое образование, способное измениться только с изменением статуса его носителя [17]. Сходные по значению функции в криминальной субкультуре имеют и татуировки. По сути, татуировка — своеобразное *графическое поименование*. Ритуальные функции татуировки в современных маргинальных сообществах, сектах, криминальной среде, в фэн-клубах оказываются аналогичными с поименованием в форме кличек в крими-

* В 1920–1930-е гг. в СССР у новорожденных появлялись имена типа Контрибуция, Даздаперма, Рева (мальчик) и Люция (девочка), Октябрист, Нейтрон, Вилена, Диамат и пр. «Лихие» 1990-е породили еще более легкомысленное отношение к имянаречению детей, и в наши дни известны имена: Веста, Луна, Судьба, Эдельвейс, Есения (девочки); Будимир, Метал, Хый, Фотий, Элвис, Гамлет (мальчики) [17]. В СМИ поведали об именах: Дибил (от Дима Билан) и — Во-всем-виноват-Чубайс. Современный столичный ЗАГС отказался выдавать свидетельство о рождении ребенка, которого родители назвали БОЧ РФ 260602, расшифровывается это как: «Биологический Объект Человека рода Ворониных-Фроловых, родившийся 26 июня 2002 года». Родители, в свою очередь, не желая дать своему ребенку другое имя, обратились в Страсбургский суд. В РФ закона, который запрещал бы подобные поименования, нет.

нальной среде, а само создание несмываемых текстов и рисунков на теле (среди которых часты и имена их обладателей) превращается в сакрализованное действие, по завершении которого должна полностью измениться и сущность человека [5; 9; 24]. Функции татуировки совпадают в архаичных культурах и современных неформальных сообществах: например, у панков, готов и других молодежных групп тату — это своеобразное клеймо, визитная карточка, досье его обладателя и пропуск в этот изнаночный мир. В криминальной субкультуре человек без татуировки как бы не существует, поскольку оказывается «без документов»*, в неформальных молодежных субкультурах тату — знак принадлежности к группе.

Каковы основания выбора этих поименований? Это фиксирование преимущественно внешних характеристик субъекта: трансформированные имена и фамилии (Боб — от Бориса, Хорь — от Хоряева); физические особенности и недостатки (Шнобель, Дюбель — большой нос); специфика преступной деятельности (Огонек — квартирный вор, Палач — убийца по найму) характерологические особенности и привычки (Шнырь — пронырливый, Прыщ — зловредный); социально-региональное происхождение и национальность (Урюк — узбек, Чечен, Одессит); прежняя допреступная деятельность (Клистир — медик, Духарь — музыкант). Но есть и более сложные поименования, означающие статус в группе (Рог, Бугор, Босс — лидеры; Чушок, Глист — низы, аутсайдеры); дающие перевернутую характеристику — иронические поименования (Доцент — глупый, тупой, Хоккеист — хромой с клюкой); есть заимствование из иностранных слов (Дрег — подонок, Рейджер — бродяга), подчеркивающие то или иное внутреннее свойство; по названию животных, рыб, насекомых, как фиксированных меток в культуре, по типу тотема (Шакал, Акула, Муха).

Клички срastaются с личностью и сохраняются, даже если несовершеннолетний правонарушитель переведен в другие учреждения; они непостижимым образом передаются, будто «прилипают» к человеку, особенно в том случае, когда кличка — меткое отражение внешних и психолого-индивидуальных особенностей ее носителя. Тогда и в другой группе возникает сходное поименование, и если подросток стремится избавиться от «опускающих» кличек, он встречает сопротивление со стороны уголовных авторитетов.

Социально-психологический контекст поименования также представлен и в прозвищах. Для некоторых исследователей прозвище определяется как специфический символ. Так, например, Т. Б. Щепанская в своей работе определяет прозвище как личный символ, как образ собственного «Я», отмечая при этом, что он образуется в группе, неся в себе определенные нормативные установки, характерные для данной группы, и является символом принятия. При этом автор особо отмечает, что прозвище не только связано с качествами своего «носителя», но и

с нормами, а также с мировоззренческими установками группы, в которой оно возникает [22].

Ром Харре предложил своеобразную периодизацию развития прозвища от образования путем трансформации и рифмовки фамилии/имени в дошкольном возрасте — к выделению личностных качеств у подростков. Однако автор подчеркивает, что есть различия не только в возрастном аспекте, но и социальном, отмечая тем самым влияние на характер прозвища особенностей социальной среды. Он отмечает, что прозвище, возникшее изначально на основании каких-либо внешних характеристик, затем начинает требовать от своего «носителя» определенных поведенческих реакций и стилей поведения, согласующихся с этим прозвищем. Хотя ребенок может быть наделен и неблагозвучным, оскорбительным прозвищем, если он не принят группой или не популярен в ней, однако отсутствие прозвища в большей степени оскорбительно, поскольку это знак игнорирования группой [24]. Прозвище имеет глубокие культурные и исторические корни, оно прошло длинный путь от «оберега» в древних племенах до статусного «клейма» в современном мире.

В позитивно функционирующем сообществе для ребенка-подростка прозвище как знак принадлежности к референтной группе имеет исключительную значимость. В одной из современных школ сдружившиеся в походе подростки наделили каждого участника прозвищем и общались на переменах с помощью особых слов-знаков, известных им одним, что создавало атмосферу избранности и отделенности этой группы от других. Одну из девочек, которую поименовали Симой (как производное от ее фамилии), вскоре так стали называть не только сверстники, но и учителя. Прозвище прочно «прилипло» к девушке и очень ей нравилось, настолько, что при получении паспорта она с легкостью поменяла свое имя Елена на Серафима-Сима.

Прозвище как *поименование* структурирует и в некоторой степени определяет взаимоотношения в группе, в то время как *самоназвание* (псевдоним, а также «никнейм» как современное переименование традиции) представляет собой защитный механизм, который компенсирует разницу между восприятием себя группой и самовосприятием.

На примере проведенного нами анализа прозвищ семиклассников одной из школ** проиллюстрируем закономерности проявления этих маркированных знаков в группе и психологические основания наделения ими сверстников. Некоторые прозвища появляются как отражение тех или иных внешних характеристик ребенка: «Рыжуха» (рыжий), «Сяда» (белобрысый мальчик из Белоруссии, где «якают»), «Очко» (мальчик играет в карты и носит очки); в других случаях имеют значение отличительные признаки наружности и особенности характера: полнота и добродушие — «Колобок», болтливость — «Вертолет», плутовство и лживость — «Бендер». Прозвища даются как своеобразно-

* Знаменательна связь имени и татуировки здесь в том, что во многих культурах существуют малые фольклорные формы (пословицы, поговорки и пр.), свидетельствующие об имени как атрибуции человека, например, загадка: «Без чего человек жить не может?» (Без имени).

** Данное исследование пилотажного характера проведено нами в середине 1990-х гг. в подмосковной школе.

разная трансформация (замена!) фамилии или имени: «Ворона» (Воронков), «Гришак» (Григорий), «Серый» (Сергей), или как отражение рода деятельности человека: «Домашка» (учительница по домоводству), «Фут» (мальчик — любитель футбола).

Некоторые прозвища носят характер скрыто оскорбительный: «Чебурашка» — долговязая и агрессивная девочка, грозящая расправой с обидчиками с помощью отца-милиционера, «Чип» — сильный мальчик, но очень маленького роста, «Кашей» — худенький и слабый мальчик, «Овца» — кудрявая и глуповатая девочка. Наряду с этими достаточно угадываемыми соотношениями с конкретной персоной существуют прозвища, которые имеют весьма сложную интерпретацию (или этимологию). Например, сильного и драчливого мальчика почему-то называют «Дрэзэ», а красивую и стройную девочку — «Куня»; объяснения прозвищ такого рода иногда находятся в сфере чистых звуковых форм, которые несут определенную эмоциональную информацию детям (как и поэтам).

Вместе с тем в этом классе, как почти в каждом детском сообществе, имеют место прозвища — меткие характеристики, *прозвища-печати*, это определенные метакультурные поименования: Толстяк — «Хрюша», «Колобок», «Жиртрест»; Знайка — «Умник», «Очкарик», «Очко»; Тупица — «Барабан», «Незнайка», «Овца»; Плут — «Труфальдино», «Лиса», «Бендер», представляющие собой *ролевою программу поведения*, задаваемую ребенку детским сообществом и важную составную часть социальной структуры детской группы, которой необходимы и свой рыцарь, и свой оруженосец, свой «дурак» и свой «шут», свой «Замарашка» и свой «Знайка». Подходящий ребенок как бы загоняется в особую социальную нишу с четким поведенческим набором и жесткими требованиями. Такие прозвища — часть фиксированных свойств детской субкультуры, и подобно жанрам детского фольклора (считалкам, дразнилкам и т. п.) выступают как *социокультурные инварианты*, повторяющиеся в каждом поколении детей [1; 2].

В отличие от традиционного личного имени ребенка, которое есть определенный шифр, тайный смысл и духовно-нравственный образец, прозвище открыто, ясно, эмоционально насыщено, оно несет в себе момент оценки (позитивной / негативной либо амбивалентной). Однако смысловые акценты могут быть различимы лишь исходя из внутреннего социокультурного контекста детского сообщества. Некоторые прозвища-программы выступают как транскультурное явление, известное в различных странах в разные эпохи (например, «Хрюша» или «Грязнуля» — он как бы один грязен «за всех»). Прозвище способно вызывать определенный стиль поведения, оно обнаруживает тенденцию выражать себя таким образом, чтобы его носитель соответствовал содержанию, был его «достоин». Например, замечено, что девушки, имеющие «кошачьи» прозвища («Мурка», «Кэт» и пр.), акцентируют мягкие «кошачьи» повадки, а мальчик с прозвищем «Джексон» неосознанно копирует поведение и привычки известного рок-певца. Если в младшем школьном возрасте прозвище — это, как правило, печать яркой индивидуальности, а отсутствие его

обидно, то у подростков оскорбительные прозвища — признак аутсайдера, но в любом случае: иметь прозвище значит *быть замеченным* сверстниками [23; 24]. Или если, например, прозвище Петух (часто как производное от фамилии) несет нейтрально-позитивный смысл в школьном классе и может лишь намекать на задиристость и драчливость мальчика, то в криминальной среде малолетних правонарушителей кличка Петух означает ярко выраженное презрительное отношение к «опущенному» [17]. Надо сказать, что в отличие от прозвищ в детской среде, клички в криминальной субкультуре несовершеннолетних полностью заменяют им имя и фамилию, жестко и однозначно закрепляют статус личности в групповой иерархии (лидера — «бугра» или морально опустившегося человека — «чушка»), служат вербальным средством деперсонализации личности [3; 9].

Таким образом, прозвище и кличка как формы поименования в подростковой субкультуре имеют следующие особенности. Во-первых, они возникают в социальной группе и представляет собой надделение подростка вторым (другим) именем, которое, как правило, образуется от выделения и подчеркивания каких-либо его черт (физических или личностных). Во-вторых, они являются символом степени принятия в группе, определяют место ребенка в групповой иерархии, отражают характер межличностных отношений в сообществе и уровень социально-психологического развития самой группы. В-третьих, прозвища и клички являются необходимым элементом детского сообщества, маркирующим его границы, задающим нормы поведения. В-четвертых, уровень развития группы и социальная направленность ее совместной деятельности во многом определяют характер поименований в форме прозвищ и кличек.

Наделение прозвищами и кличками, как и «тайные языки» в детской субкультуре [6], — это не только средство сигнификации (табуирования) личных имен, но и способ обособления и автономизации детского сообщества, его более четкого структурирования и индивидуализации. В некоторых случаях эти формы поименования являются культурным моделированием ролевой программы отношений и поведения ребенка в социальной организации детского сообщества.

Каждая группа на начальных этапах своего развития в силу тех или иных причин должна обозначить свои границы, разделить людей на две четкие категории «свои» и «чужие», а для этого необходимо ввести какое-либо обозначение: это и прозвища, и особый сленг, и стиль одежды, татуировки и другая символика. Помимо разделения на «своих» и «чужих» для определения собственных границ необходимо также выстроить социальную иерархию группы, и здесь проявляется еще одна функция прозвищ — обозначение социально-психологического статуса личности в группе, ее персонализации или деперсонализации, определяемых уровнем развития группы и социальной направленностью ее деятельности.

Прозвище, зарождаясь в группе, в той или иной степени способно отражать уровень ее социального развития, тип взаимодействия и распределения соци-

альных ролей. М. Кордонский и М. Кожаринов в своей книге [10] дают характеристику уровней развития неформальных подростково-молодежных групп, используя следующую классификацию, основываясь преимущественно на стратометрической концепции А. В. Петровского [15]. Низший уровень развития группы — *конгломерат* (в теории А. В. Петровского — диффузная группа), затем — *ассоциация* как разрозненное сообщество отдельных микрогрупп, часто противостоящих друг другу. Большинство школьных классов в силу отсутствия подлинной (интерактивной) совместной деятельности, как правило, является ассоциациями. Более высокий уровень группового развития — это *кооперация*, когда позитивно эмоциональные межличностные отношения становятся самоцелью, чем-то независимым от деятельности: «чтобы ни делать — лишь бы вместе». Школьные классы, получившие опыт позитивной совместной деятельности, достигают данного уровня развития. По А. В. Петровскому, следующая модель — *корпорация*, которая характеризуется достаточно высоким уровнем групповой динамики (наличием жесткой иерархии и авторитарным лидерством, сплоченностью и пр., при анти- или асоциальной направленности деятельности), она присуща прежде всего около-криминальным или собственно криминальным сообществам. *Коллектив* — наиболее работоспособная, долговременная и конструктивная группа, способная к эффективной деятельности и при отсутствии лидера в режиме самоуправления и при сменном **ситуативном лидерстве**. Коллектив, в отличие от корпорации, как правило, легко принимает новичков, втягивая их в свою систему открытости отношений.

Переход группы на более высокий уровень развития облегчает наличие у нее внешней атрибутики, *символики*: у неформалов КСП-шников — это гитара, у скинхедов, панков, хиппи — прическа и специфическая одежда, у скаутов — галстук, у готов — черный макиж, у эмо — розовый бантик и т. п. Движение группы по пути развития от диффузного состояния (конгломерата) до коллектива (коннектива — устойчивой долговременной сплоченной группы) сопровождается также развитием вербальной сферы отношений — собственного сленга [14]. Авторы «Неформальной социотехники» отмечают: «Сленги всех развитых неформальных сообществ содержат термины, маркирующие разные уровни развития, в чем-то аналогичные терминам академической социальной психологии» [10, с. 145]. Развитый собственный сленг и система поименований-прозвищ (кличек) является одним из признаков перехода группы в более зрелое состояние. Прозвища как атрибутивная характеристика группы имеют собственные содержательные лексические характеристики в зависимости от уровня ее социально-психологического развития: чем выше уровень развития группы, тем выше степень ее позитивных поименований с акцентом на личностных особенностях входящих в сообщество членов. Для проверки этого предположения в клас-

сах подростков-школьников с помощью анкеты были проанализированы существующие прозвища и проведены стандартные тесты социометрии и референтометрии, дающие общую характеристику социально-психологического уровня развития группы*.

В ходе исследования были выделены две основные категории прозвищ: 1) внешне-атрибутивные, характерные для поверхностной оценки человека по внешним данным; 2) внутрличностные, затрагивающие индивидуально-психологические особенности человека, его интересы и склонности. Каждая из категорий обладает как положительным, так и отрицательным полюсом оценки, позволяющей судить о качестве знака.

Исследованная группа на основании тестирования была отнесена к группе с невысоким социальным уровнем развития (типа ассоциации) [16], который определял и качество прозвищ, их позитивную или негативную окраску, поверхностный или личностный смысл. Большинство полученных прозвищ носило ярко выраженный отрицательно-оценочный характер, зачастую они были знаками чисто внешних признаков, воспринимаемых как недостатки сверстника: «Смог» (курит), «Чувачка» (смуглая девушка с раскосыми глазами), «Панк» (лохматый), «Сгазз кролик» (импульсивный) и т. п. Прозвища, преобладающие в данной группе, могут служить определенным индикатором, показывающим межличностные отношения подростков в этой группе. Было также отмечено, что значительная часть опрошенных школьников прибегает к прозвищам в случае, когда намеревается задеть, «подразнить» сверстника обидным прозвищем, проверяя на прочность его выдержку, или когда хочет персонифицировать, особо выделить того сверстника, к которому обращается, в этом ярко проявляется апеллятивно-коммуникативная функция данной формы поименований. В этом случае формы поименования напрямую связываются с содержанием детской субкультуры и прежде всего с дразнилками, особенно именованными [6; 1].

Прозвище представляет собой также средство фиксации групповой иерархии, т. е. способ означивания (сигнификации) статуса группой, либо символ присваивания статуса, определенной социальной ниши участником группы. Прозвище отражает как позитивную, так и негативную оценку подростка со стороны сообщества сверстников и зачастую является средством обособления группы, особенно когда невысок уровень ее социально-психологического развития. При этом прозвища, в отличие от кличек в криминальной субкультуре, менее закреплены; у одного и того же подростка в различных группах могут быть совершенно разные по характеру прозвища. В одной группе ребенок может признаваться и даже лидировать, в другой — быть предметом насмешек, издевательств, что находит свое отражение в поименовании группой. Некоторые подростки имеют несколько прозвищ, порой относящихся к противоположным характеристикам и полученных ими в

* Исследование изложено в дипломной работе О. Меркуловой, проведенной под нашим руководством.

различных группах в различных ситуациях совместной деятельности. Важно также отметить, что, несмотря на то что поименования в группе, на первый взгляд, возникают как бы ниоткуда и не имеют персонального «называтьщика», одаривать прозвищем имеет право только особый член группы, который наделен данной функцией [24].

В группах современных подростков наряду с прозвищами также обнаруживается еще одно поименование — это **никнейм** (от англ. nickname — дополнительное описание, короткое имя). Никнейм подросток придумывает себе сам и использует в основном в интернет-общении (чатах, блогах), компьютерных клубах (кланах), в интерактивном общении. Однако возможно использование никнеймов и в рамках непосредственного общения в группе, когда представители «клана» обсуждают предстоящие игры либо вместе тренируются, отдыхают. Таким образом, у современного подростка может быть как прозвище, которое ему дает группа, так и прозвище, которое он выбирает себе сам (никнейм). Это самостоятельное наделение себя именем-прозвищем (самоназывание) находится в определенной связи с традиционным поименованием как социальное, внешнее маркирование с самоидентичным, личностно-индивидуальным, как эго-идентичность с групповой идентичностью (по Эриксону). Предположительно, никнеймы позволяют подростку посредством поименования-самоназывания компенсировать разницу между восприятием себя группой и самовосприятием, фиксируя свои позитивные качества с целью повышения собственного статуса в сообществе. Если необходимости в компенсации нет, то никнеймы могут иметь внешне самоуничижительную характеристику: Ворм (червь), Куки (печенье), Аха (ничто) и пр., не оказывающую негативного влияния на Я-образ. У одного подростка был никнейм «Пельмень», который, на первый взгляд, отражал его невысокий статус и заниженную самооценку, особенно в сравнении с никнеймами других игроков: Вольф (волк), Гендальф-Ген (мудрец-волшебник из «Властелина колец» Р. Толкиена). Такая самоуничижительная характеристика была адекватной, поскольку игроком подросток был посредственным и иногда подводил команду. Однако в данном случае никаким «комплексом неполноценности» подросток не страдал. Клан был сплоченным сообществом и представлял собой группу достаточно высокого уровня развития взаимоотношений с позитивной направленностью.

Можно предположить, что никнейм представляет собой поименование, устанавливающее баланс между принятием группой того или иного ее члена и степенью адекватности его самооценки: при негативном отношении группы самоназывание повышает собственный статус, при общем позитивном уровне отношений никнейм безболезненно способен быть самоуничижительным. То есть социальная группа способна определять знак никнейма. Если нет негативного прозвища и низкой оценки группой, подросток может позволить себе момент самокритики и унижения в никнейме ради «прикола».

Итак, наделение прозвищем — формой поименования — происходит внутри подросткового сообщества.

Прозвище является символическим знаком собственного «Я» подростка, имеет оценочный характер и зависит от предпочтений группы. С точки зрения субъекта, прозвище в процессе перехода от социального к индивидуальному (по Л. С. Выготскому) может быть принято ребенком или отвергнуто им, когда смысл, само содержание поименования наносит урон его личностной идентичности. Тогда подросток понимает, что бороться против негативного прозвища в группе бесполезно, и он либо соглашается и несет «крест отверженности», либо находит выход в собственном поименовании — никнейме. Рассмотрение прозвища в рамках подростковой субкультуры дает нам возможность еще раз подчеркнуть преобладающее значение референтной группы сверстников для развития личности подростка, развития самосознания и морально-нравственных качеств в этом возрасте. Прозвище служит средством структуризации группы, символом принятия группой или по крайней мере символом того, что ты замечен группой.

Прозвища могут являться одним из показателей уровня развития группы, особенно в контексте ее направленности. Они не только обладают функцией стигматизации, отделения «своих» от «чужих», но и несут в себе определенные нормы и ценности, характерные для данной группы. Прозвище также показывает, насколько индивидуализированы в глазах группы ее участники, насколько глубоко определены их личностные особенности и насколько они приняты группой.

Наличие психоэмоционального подтекста в лексическом содержании поименования как самоназывания связано с характером существующего прозвища: негативное по восприятию подростка прозвище определяет появление никнейма, выступающего в роли защитного механизма, который позволяет компенсировать нелицеприятную оценку группы за счет высокой самооценки. При этом знаком этой компенсации выступает никнейм как самостоятельное поименование, например:

Прозвище	Никнейм
«Наркоманка»	«Red&white» (яркая болельщица);
«Слизняк»	«Shaman» (волшебник);
«Очкарик»	«Revenge» (мститель).

Негативное прозвище в группе показывает, что сам поименованный таким образом подросток отвержен группой. Возникает конфликт между оценкой со стороны группы сверстников, референтной для подростка, и его оценкой собственных качеств и личности в целом. Для урегулирования возникшего конфликта подросток придумывает себе прозвище как *иное имя*, используя его не только в ситуации интерактивного общения в блогах и чатах интернета, но и при непосредственном общении в группе, таким способом пытаясь изменить восприятие себя в группе сверстников.

Безусловно, современные интернет-технологии способствуют развитию такого феномена, как поименование в форме самоназывания (никнейма) в подростковой субкультуре. За короткий исторический период — с середины конца 1990-х гг. по сегодняшний день — содержание никнеймов претерпело существен-

ные изменения: если в самом начале в процессе Интернет-общения субъект не использовал и намека на свое настоящее имя в никнейме, поскольку «Мы меняли маски, играли не только именами, но и возрастами, полами, исследуя новые границы своего виртуального Я» [4, с. 7], то сегодня популярны самоидентичные поименования на основе реальных имени и фамилии. Прозвище и «никнейм», как оказалось, входя в общую категорию поименования современного подростка, имеют различные функции и значение в развитии подростковой субкультуры. Если прозвище является определенным знаком, показателем социального уровня развития группы, то никнейм дает представление об общей самооценке того или иного ребенка в сообществе, его самопознании и самовосприятии.

Создавая себе никнейм, подросток как бы в символической форме стирает свой прошлый опыт и старый образ, которые его не устраивают, и создает новый, чтобы начать «новую жизнь». Подобный механизм в истории культуры мы можем наблюдать в обрядах инициаций, хотя в этом случае происходит встречный процесс реализации потребностей социума и субъекта инициации. Но при этом само образование никнейма не сводится к простой формальности, поскольку для подростка это способ выразить себя, позволяющий переосмыслить образ Я в глазах других и в собственных глазах. Создание нового образа себя и дифференцированность качеств этого образа зависят от уровня динамичности и знака эмоциональности общения со сверстниками в референтной группе.

Прозвище также, как и «никнейм», эмоционально окрашено, но если первое несет оценку группы, то второе — самооценку ребенка, часто «не согласного» с мнением сообщества. Исследование показало: чем больше в группе процент негативных прозвищ, тем больше процент никнеймов. Прозвище структурирует и в некоторой степени определяет взаимоотношения в группе, в то время как самоназывание (никнейм) представляет собой специфический защитный механизм, который компенсирует разницу между восприятием себя группой и самовосприятием посредством отражения собственного образа «Я» в виде никнейма и подчеркивания своих позитивных качеств для повышения собственного статуса в группе.

Прозвища несут в себе культурно-содержательную функцию, отражая характер взаимоотношений в группе. Прозвище в подростковой субкультуре, в отличие от кличек криминальной субкультуры, не является четко закрепленным, социальным клейменем, оно может отражать статус члена группы и носить эмоционально-оценочный характер.

Изучение поименований, в частности прозвищ, которому уделяется столь малое внимание в психологии развития [11], позволяет проследить особенности современной субкультуры подростков. Интерпретация и применение имени-символа, основания выбора той или иной формы поименований, удовлетворенность собственным именем, фамилией, прозвищем позволяет увидеть то поле семантических, смысловых значений, в котором функционируют современные подростки, проследить формирование образа Я. Благодаря этому можно строить некоторые

прогнозы дальнейшего развития детско-подростковой субкультуры, уровней ее социального функционирования.

Таким образом, поименование представляет собой атрибутивную принадлежность любой субкультуры, возникшую, вероятно, в глубокой древности и обладающую кросскультурными характеристиками. Прозвища и клички как формы поименования служат как для автономизации, обособления группы от социума, так и для ее структуризации. Кроме того, прозвище (кличка, никнейм и пр.) может быть ярким показателем характера взаимоотношений в детском сообществе и уровня развития самой группы.

*

Ограниченное число традиционных имен как архетипов духовного строения свидетельствует об устойчивости этого факта культуры. Каждая из форм поименования есть дифференциация имени личности, предоставляющая варианты различных миров онтологии имени: фамилия и отчество осуществляют культурно-историческую связь личности с семьей (отцом) и родом как носителями исторической памяти. Прозвище и кличка — это наличное «здесь и теперь» отношение социума (иных членов группы принадлежности или сверстников детско-подросткового сообщества) к личности субъекта с указанием на его место в групповой структуре. Наконец, псевдоним и никнейм — самовыражение личности, попытка компенсировать, уравнивая, иные формы поименования, не удовлетворяющие субъекта (имя, фамилия, прозвище и пр.), с собственным желаемым образом Я.

Все формы поименования обладают общими функциями. Это аппелятивно-коммуникативная (обращение и общение), сигнификативно-символическая (означивание и стигматизация), вариативно-прогностическая (дифференциация и направления развития) функции.

Изучение проблемы поименования в культурно-историческом контексте позволит расширить представления о становлении личности человека в языковой культуре и о его связях с сообществами. Возможный спектр таких исследований в психологии развития весьма широк, вот лишь некоторые из них:

- Образ Я и имя человека.
- Отношение к имени как к ценности.
- Связи различных форм поименования с имяна-речением (с точки зрения субъектов): родные/близкие (имя, фамилия, отчество) — чужие/чуждые (группы принадлежности, социальные группы, сообщества) — Я сам.
- Возрастная динамика отношения субъекта к своим поименованиям: принятие/непринятие, идентификация/отчуждение, и пр.
- Наличие тезок у ребенка в его окружении и процессы самоидентичности (редкие, необычные имена и образ Я).
- Мотивация поименования (основание выбора форм). Связи форм поименования с «идеальными именами» — тезоименитыми великими людьми.

- Групповые поименования (общности, социальные группы, сообщества). Внутренние самоназвания и внешние означивания, например, жители одной деревни соседями именовались белорусами, а себя называли — тутошние. Почему: француз, турок, непалец (кто?), но русский (какой?).

- Личность и имя.

Личность может вступать в противоречие с различными формами своих поименований, что становится предельно очевидным на примере анализа поименований Л. С. Выготского. Сложные взаимоотношения Выготского с отчеством и фамилией, исследованные Б. Г. Мещеряковым [12], дают почву для дальнейших междисциплинарных исследований и основание для иных интерпретаций. Слишком рано будущий гений предощущал свое назначение. Но сначала произошло естественное отвержение домашнего (детского) имени Беба, это отвержение может быть вписано в естественный подростковый негативизм. Беря во внимание личностную масштабность ученого, закономерно отрицание им своего отчества, которое знаменует собой не страх перед «административным и бытовым антисемитизмом», а внутренний глубокий разрыв родственных связей с ближайшей родней и даже отцом как выход из местечковой ограниченности во вселенскую беспредельность. Обрекая себя на одиночество среди своих как родных по крови (семья), молодой Л. С. Выготский, возможно, зрел неизмеримо большую, но незримую «родью» — родных по духу, с общностью убеждений.

Личность утверждает вселенский масштаб. Символически становится Семеновичем (от древнееврейского — услышание), и это уже — иная программа жизни. Тогда оказывается необходимым следующий шаг, и

он делает его: отход от рода, фамилии, где есть малейший намек на корысть, Выгодских — в бессребренничество Выготского*. Идентификация с Личностью усугубляется на почве прекрасного знания Выготским Священного писания Ветхого и Нового Завета. Ключевым здесь является слово «камень» — (см. 117-й псалом Давида, Пророчества Исайи и Даниила), а затем в евангельском тексте сначала в переименовании Иисусом Христом Симона в Петра («на камне сим построю Церковь мою»), затем в Евангелии от Матфея и, наконец, в Посланиях апостола Павла. Отсюда идеологическая параллель, с нашей точки зрения, у Выготского не с Мартином Лютером (если только не иметь в виду реформаторство науки), а она прослеживается (и в этом особое дерзновение молодого Выготского!) с Личностью Иисуса Христа в создании и отстаивании Нового учения. Эпиграф «Исторического смысла...», дословно звучащий как: «Камень, который призрели строители, тот самый сделался главою угла...» (Мф.: 21, 42), является важнейшим знаком в творческом и личностном развитии ученого. Но Выготский обрывает стих, чтобы не обнаружить, не проявить и не открыть лежащий за ним более глубокий, тайный смысл, поскольку хорошо знает, что (вернее *Кто*) имеется в виду под «камнем»: «И тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит» (Мф.: 21, 44). Столь точно и столь грозно. Камень был отвергнут, но именно он оказался драгоценным, избранным, краеугольным, способным соединить несоединимое, две стены нового здания, новой научной парадигмы.

Если вернуться к поименованиям, то знаменательно, что лишь личное имя Выготского — Лев, оказалось подлинным первоименем, истинным именем, соответствующим масштабу поставленной им задачи. Личность создает себе имя исходя из угаданного (услышанного) своего назначения как промысла Божьего. И это Л. С. Выготскому удалось.

Литература

1. Абраменкова В. В. Социальная психология детства: Учеб. пособие для студ. университетов, пединститутов и психолого-педагогических колледжей. М., 2008.
2. Абраменкова В. В. Подростковая субкультура как пространство самореализации // Мир психологии. 2008. № 1.
3. Антоян Ю. М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение. Ереван, 1987.
4. Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2009. № 3.
5. Ваганов А. Г. Мягкие знаки: татуировка — ритуал длиной в жизнь // Мир психологии. 2003. № 1.
6. Виноградов Г. С. Русский детский фольклор. Иркутск, 1978.
7. Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Научное наследие / Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1984.

8. Кнебел Х. Традиционные институты социализации детей и подростков у народа огони (Юж. Нигерия) // Советская этнография. 1981. № 1.

9. Кондратьев М. Ю. Социальная психология в закрытых образовательных учреждениях. СПб., 2005.
10. Кордонский М., Кожаринов М. Очерки неформальной социотехники: Учеб. пособие для лидера молодежной неформальной группы. Серия: Технология группы. Предисловие В. Хилтунена. М., 2008.
11. Крэйг Г. Психология развития. СПб., 2000.
12. Мещеряков Б. Г. Л. С. Выготский и его имя // Культурно-историческая психология. 2007. № 3.
13. Мид М. Культура и мир детства. М., 1988.
14. Никитина Т. Г. Так говорит молодежь: Словарь сленга. По материалам 70–90-х годов. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1998.
15. Петровский А. В. (ред.) Психологическая теория коллектива. М., 1979.

* Этимология фамилии Выготского, скорее всего, не связана с географическим местом, как предполагает Б. Г. Мещеряков, но имеет более сложный и глубокий смысл, требующий специальных исследований. Лингвистическое его чутье могло подсказать, например, такое: вы — приставка со значением *выходить, выбрать* восходит к индо-европейскому *ud* — *на верх*, а гот к *gaut* — *исток* (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. СПб., 1996.).

16. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1980.
17. Пирожков В. Ф. Криминальная психология. Психология подростковой преступности. Кн. 1-я; М., 1998.
18. «Почему мы назвали сына Одиссеем...» // Psychologies. 2006. № 7.
19. Промысел Божий в имени христианина. Тайный смысл имен. СПб., 2003.
20. Флоренский П. Имена. Харьков; М., 2000.
21. Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / Пер. с англ. М., 1980.
22. Щепанская Т. Б. Символика молодежной субкультуры. СПб., 1993.
23. Harre Rom Social being. Second edition. Oxford, 1993.
24. Harre Rom «The origins of Social Competence in a Pluralist Society» // Oxford review of education. 1975. Vol. 1. № 2.
25. The body reader: Social aspects of the human body / Ed. by T. Polhous // Assoc. With Inst. Of contemporary arts. London; N.Y., 1978.

Naming as a Cultural Phenomenon: Historical and Current Perspectives

V. V. Abramenkova

PhD in Psychology, Professor, Chair of Developmental Psychology, Department of Psychology of Education,
Moscow State University of Psychology and Education

In the framework of L. S. Vygotsky cultural-historical theory the new concept — «naming» — is proposed. It is defined as a social tool of self-image development, joining different readings (forms) of a person's name as certain aspects of his / her personality. The main sacred and «personality-building» form of naming is a first name and is in detail discussed in the article from ontological point of view. In Christian civilization personal (first) name takes on a very important role in culture as well as in private spiritual life. General ideas on a child's appropriation of his / her name in the first year of life as the first personal category are outlined. The article describes several aspects of attitude towards name forms in the history of culture. Taking into consideration lack of scientific evidence in this interdisciplinary sphere, the author proposes a wide research programme of different branches of naming phenomenology in the frames of developmental psychology.

Keywords: naming, name, nickname, sobriquet, children's and teenagers' subculture, level of social development of a community, L. S. Vygotsky, Christian civilization.

References

1. Abramenkova V. V. Social'naya psihologiya detstva: Ucheb. posobie dlya stud. universitetov, pedinstitutov i psihologo-pedagogicheskikh kolledzhei. M., 2008.
2. Abramenkova V. V. Podrozkovaya subkul'tura kak prostranstvo samorealizatsii // Mir psihologii. 2008. № 1.
3. Antonyan Yu. M. Psihologicheskoe otchuzhdenie lichnosti i prestupnoe povedenie. Erevan, 1987.
4. Asmolov A. G., Asmolov G. A. Ot My-media k Ya-media: transformatsii identichnosti v virtual'nom mire // Voprosy psihologii. 2009. № 3.
5. Vaganov A. G. Myagkie znaki: tatuirovka — ritual dlinoyu v zhizn' // Mir psihologii. 2003. № 1.
6. Vinogradov G. S. Russkii detskii fol'klor. Irkutsk, 1978.
7. Vygotskii L. S. Sobr. soch.: V 6 t. T. 6. Nauchnoe nasledstvo / Pod red. M. G. Yaroshevskogo. M., 1984.
8. Knebel H. Traditsionnye instituty socializatsii detei i podrozkov u naroda ogoni (Yuzh. Nigeriya) // Sovetskaya etnografiya. 1981. № 1.
9. Kondrat'ev M. Yu. Social'naya psihologiya v zakrytykh obrazovatel'nykh uchrezhdeniyah. SPb., 2005.
10. Kordonskii M., Kozharinov M. Ocherki neformal'noi sociotekhniki: Ucheb. posobie dlya lidera molodezhnoi neformal'noi gruppy. Seriya: Tekhnologiya gruppy. Predislovie V. Hiltunena. M., 2008.
11. Kreig G. Psihologiya razvitiya. SPb., 2000.
12. Mesheryakov B. G. L. S. Vygotskii i ego imya // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2007. № 3.
13. Mid M. Kul'tura i mir detstva. M., 1988.
14. Nikitina T. G. Tak govorit molodezh': Slovar' slenga. Po materialam 70—90-h godov. 2-e izd., ispr. i dop. SPb., 1998.
15. Petrovskii A. V. (red.). Psihologicheskaya teoriya kollektiva. M., 1979.
16. Petrovskii A. V. Lichnost'. Deyatel'nost'. Kollektiv. M., 1980.
17. Pirozhkov V. F. Kriminal'naya psihologiya. Psihologiya podrozkovoi prestupnosti. Kn. 1-ya. M., 1998.
18. «Pochemu my nazvali syna Odiseem...» // Psychologies. 2006. № 7.
19. Promysel Bozhii v imeni hristianina. Tainyi smysl imen. SPb., 2003.
20. Florenskii P. Imena. Har'kov; M., 2000.
21. Frezer Dzh. Dzh. Zolotaya vetv': Issledovanie magii i religii / Per. s angl. M., 1980.
22. Shepanskaya T. B. Simvolika molodezhnoi subkul'tury. SPb., 1993.
23. Harre Rom Social being. Second edition. Oxford, 1993.
24. Harre Rom «The origins of Social Competence in a Pluralist Society» // Oxford review of education. 1975. Vol. 1. № 2.
25. The body reader: Social aspects of the human body / Ed. by T. Polhous // Assoc. With Inst. Of contemporary arts. London; N.Y., 1978.